

Трощинская-Степушина Татьяна Евгеньевна

e-mail: stepushyna@gmail.ru

ЯЗЫК ПРОЗЫ В. КАЗАКЕВИЧА: СПЕЦИФИКА СТИЛЯ

Аннотация: 26 сентября 2021 года белорусскому писателю и поэту Вечеславу Казакевичу исполнилось 70 лет. В данной статье приводится краткий обзор творческого пути писателя, а также результаты стилистического анализа прозы автора. Доказывается, что ведущим стилистическим приемом создания образности является «всеобщее одушевление».

Ключевые слова: Вечеслав Казакевич; стилистический анализ, «всеобщее одушевление», язык.

Tatyana Troshchynskaya-Stepushyna

e-mail: stepushyna@gmail.ru

V. KAZAKEVICH PROSE LANGUAGE: SPECIFIC STYLE

Abstract: on September 26, 2021, the Belarusian writer and poet Vecheslav Kazakevich turned 70. This article provides a brief overview of the creative path of the writer, as well as the results of a stylistic analysis of the author's prose. The leading stylistic method of creating imagery is «general animation».

Keywords: Vecheslav Kazakevich; stylistic analysis, «general animation», language.

Вечеслав Казакевич – поэт, писатель, филолог, переводчик, человек удивительной судьбы. Родившийся и выросший в глухой белорусской деревушке Бельниччи Могилевской области, Казакевич еще в детстве научился не обращать внимания ни на время, ни на пространство, обладая воображением настоящего творца. Все, что можно было прочитать в местной библиотеке, было перечитано десятки раз. Стихи он начал писать еще в детстве, однако по настоянию родителей поступает в Ленинградское Высшее военно-политическое училище, чтобы, закончив его, тут же поступить на филологический факультет МГУ (отделение русского языка и литературы). Затем был сотрудником музея Чехова в Мелихове, переводчиком в НИИ, архивистом. Пишет и печатается – «Юность», «Литературная учёба», сборник «День поэзии», альманах «Поэзия». Затем судьба делает удивительный кульбит: в 1993 г. В. Казакевич эмигрировал в Японию. Сейчас это преуспевающий профессор в университете Тояма. И – одновременно – удивительный, самобытный писатель и поэт, автор прекрасных, пронзительных стихов и настоящей, талантливой прозы.

Лауреат премии имени М. Горького за лучшую первую книгу, член Союза писателей (с 1989 г.), автор шести поэтических сборников («Праздник в провинции», «Ползи, улитка!», «Жизнь и приключения беглеца», «Сердце-корабль» и др.) и трех книг прозы («Прославление заката», «Охота на майских жуков», «За мной придет Единорог»), В. Казакевич, к сожалению, до сих пор мало известен белорусскому читателю. Об этом авторе почему-то почти не пишут критики и литературоведы. В России его книги небольшими тиражами издаются только в Москве, в издательстве Николая Филимонова, в Беларуси их нет совсем. Но когда в 2004 году в переводе на японский язык в Токио вышла книга эссе Казакевича «Прославление заката», все крупные японские газеты отозвались рецензиями на неё. А книгу «Охота на майских жуков» в Японии считают «выдающимся произведением русской зарубежной литературы, которое стоит рядом с Набоковым, с «Другими берегами».

Известный литературный критик Павел Крючков охарактеризовал повесть как «самое необычное произведение о родственной любви», которое ему доводилось читать. И добавил: «в сравнении с ней даже довлатовская проза ... кажется домашней байкой» [1, с. 3].

Для анализа языка прозы мы выбрали повесть «Охота на майских жуков», которая состоит из сюжетно не связанных между собой новелл, объединенных образом героя-рассказчика – деревенского мальчишки по имени Слава. Он рассказывает о себе, своих близких, их взаимоотношениях и обо всем том удивительном мире, который его окружает. Помимо родителей – Антонины и Степана Сенокосовых – одним из центральных образов повести является Марьяна – дальняя родственница матери, привезенная из-за тридцати земель в няньки герою и его младшему брату. Думаю, совершенно необходимо остановиться именно на этом уникальном персонаже. Марьяне посвящена отдельная, третья по счету новелла с одноименным названием. Однако из «своего» рассказа героиня свободно «перемещается» по художественному пространству повести, появляясь то тут, то там с присущей ей непосредственностью.

«Нашу няньку и по совместительству нашего работника Балду отец привез из-за тридцати земель», – так красноречиво начинается новелла, посвященная Марьяне. Исчерпывающая характеристика, но то ли еще будет: 1. Краснолицая, неуклюжая, в каком-то несуразном деревенском наряде она вперевалку, по-медвежьи поднимается на крыльцо; 2. Это была самая неунывающая пятидесятилетняя сирота и старая дева, какую только можно себе представить; 3. Но чаще всего с кошкой общалась наша словоохотливая нянька; 4. Марьяна, сама же пристрастившая брата к заспанным путешествиям, долго служила ему двуногим разговорчивым конем, всюду таская его на себе. Вообще у Марьяны много именованных: наша нянька; несуразная нянька; неграмотная нянька; лакомка-нянька; нянька-баюн и др. С помощью подобного рода номинаций автор создает

образ героини, который раскрывается в трех дискурсах: автора, героя-рассказчика и собственно Марьяны. При этом все они сходятся в одном фокусе: демонстрируют ее яркую индивидуальность. Речь ее колоритна и фонетически (*с ероплана подцелили, теревизер, серьги в уши втыкну; – дык я печку упорядчиваю; «спинжак»* и др.), и лексически: песни, пословицы, поговорки, прибаутки – ее стихия: *Хороша кашка, да малая чашка! Выпейте с носка, чтоб не брала тоска! И кот бы пил, если б кто налил! Свой грош всюду хорош! И моя копейка не щербатая! А на дворе завируха – очи выколи! Мать-водица – всему царица! Кот мурлычет – гостей кличет. Ты в деревне, я в другой, редко видимся с тобой!* и др.

В повести приводится и авторский комментарий, касающийся речевых особенностей Марьяны: *Наша неграмотная нянька, не умевшая ни читать, ни писать, запросто использовала многие живые и мертвые языки. Нам ее речь казалась просто дикой и деревенской. Только спустя годы я с удивлением понял, что Марьяна болтала, пела, молилась на древнерусском, русском, белорусском, литовском, польском языках* [2, с. 45].

Марьяна любопытна и наивна, как ребенок. Простодушно объясняя самые обычные явления окружающей действительности, она искренне, эмоционально восхищается ими:

– Во, гляди, – заговорщически указывала она развесившему уши встречному, – цветики какие желтусенькие, трава зеленая, вон еще цвет стоит синий, а земля одна – черная. Чего ж из нее все разного цвета вырастает?

Огорошив слушателя такой или подобной проблемой, Марьяна беспрепятственно пускалась в расправившие ее рассуждения [2, с. 39].

Простодушие, доброта, исконно русская сметка, широта души – вот далеко не полный перечень черт удивительной няньки, которая, надо думать, оказала огромное влияние на юного героя. Но вместе с тем она еще и очень одинока. Уехав из родной деревни, она очень скучала по ней и мечтала навестить односельчан, но этой мечте не суждено было сбыться. В конце жизни, после того как ее питомцы выросли, она оказывается в доме престарелых. Но и там она не унывает, и когда Слава приезжает ее навестить, то находит помогающей на кухне: сидеть сложа руки она просто не умела. Одиночество Марьяны – это состояние внутреннего сиротства, горечь которого скрывается за ее «непреходящей улыбкой».

Кроме героев, художественное пространство повести насыщено совершенно удивительными образами, родившимися благодаря персонификации – стилистическому приему, суть которого состоит в наделении предметов и явлений окружающего мира человеческими свойствами. Вообще персонификация, или антропоморфизм восходит к глубокой древности, когда одушевленный и неодушевленный мир отождествлялись в сознании человека, и рассматривается учеными как психологическая предпосылка к возникновению религиозных верований. Ещё

в конце XVIII в. В. фон Гумбольдт писал о том, что «в основе каждой религии лежит некая персонификация, своего рода воплощение в чувственном восприятии, антропоморфизм большей или меньшей степени» [1, с. 67]. А.Ф. Лосев считал это явление «всеобщего одушевления» основой мифологии.

Интересно, что «всеобщее одушевление» является типичной формой познания действительности у детей раннего возраста, при которой происходит смешение психологической преднамеренности с физической причинностью, вследствие чего психические свойства и отношения человека переносятся на внешнюю действительность (*Месяца нет на небе, потому что он ушел в гости*). Кроме этого, психологи считают персонификацию обязательным условием развития фантазии у детей. Представляется, что это (хотя и в меньшей степени) актуально и для взрослых: экспериментальные данные, полученные психологами, подтверждают готовность современного человека наделять объекты антропоморфными качествами, создавая вокруг себя антропоморфизированную культурную среду. Данная особенность персонификации важна для исследования творчества В. Казакевича.

Наделение неодушевленных предметов сознанием зачастую приводит к созданию комического эффекта: *1. Перевязанные бечевками, на чердаке лежали старые журналы, всем своим видом говорившие: надежд на то, что их однажды прочтут, у них не осталось; 2. Возможно, жуки вспоминали былую поднебесную жизнь; 3. Колеса самолета с ужасом теряют под собой почву; 4. Вина яблони... заключалась в том, что она заняла в огороде совершенно неподходящее место и во время посадки и сбора картошки заставляла отца вместе с конем и плугом описывать натужные дуги вокруг ее непоколебимого туловища; 5. Корыта и бельеварки получали дар речи и ... начинали бубнить цинковыми голосами; 6. Лягушки и жабы устраивали по ночам ужасную переключку. А когда они стихали, в доме принимались петь наехавшие из деревень сверчки и др.*

Только в прозе Казакевича яблоня ... приходилась дальней родственницей баобабу; у дивана была сестра – кушетка, а Марьяна ... отправлялась в путь, беседуя по дороге со всеми переходящими людьми, а в их отсутствие со зверями, птицами, деревьями. Оживление всего вокруг помогает нам не только понять окружающий мир, но и почувствовать его, а еще – дает возможность посмотреть на привычное явление с неожиданной стороны и глубже понять его суть. Непосредственное, в чем-то детское восприятие окружающего мира героями – мальчиком и его удивительной нянькой – вот что так трогает и пленяет в этой повести. И я думаю, что не только родственная любовь – предмет изображения в ней. Любовь к человеку вообще, со всеми его слабостями и причудами – и здесь Казакевич, бесспорно, продолжатель чеховских традиций. А еще – любовь к жизни, обычной человеческой жизни и к тому, что человека окружает –

мотыльку, цветку, траве, небу. Бесценный дар воображения – вот неисчерпаемый кладёзь творчества, открытий, познания мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт, В. . Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 448 с.
2. Казакевич, В. Охота на майских жуков: повесть / В. Казакевич. – М. : Изд-во Н. Филимонова, 2009. – 188 с.